

полнений. Необходимо вспомнить при этом, что многие источники, откуда он мог черпать материал для этих «дополнений», несомненно были у него под руками в славянских переводах хроник и византийских произведений патристического содержания. Нельзя упускать из виду и того, что основная идея почти всех христологических и нехристологических дополнений «Истории» — это идея божественного возмездия иудеям за их грехи, в частности за отвержение ими Христа. Это с достаточной настойчивостью подчеркивалось в нашей книге. Идея же о том, что разорение иудейской столицы и изгнание народа с его родины явились актом наказания иудеев за их грех отступничества, была очень хорошо знакома древнерусским писателям: и Илариону, автору «Слова о законе и благодати», и автору «Слова философа» в «Начальной летописи» и автору «Повести о крещении Руси» в той же летописи.¹²⁰

Поэтому не невероятной кажется нам и возможность приписать инициативе переводчика «Истории» Иосифа Флавия, подходившего к используемому им оригиналу с идеологических позиций своей среды и своего времени, как идейное, так и стилистическое его приспособление к запросам читателей. Наше предположение не исключает, разумеется, допущения, что в рукописи обычного греческого текста, которой он пользовался, могли читаться замечания на полях такого характера, который уполномочивал бы переводчика сделать соответствующие вставки. Подобные записи на полях обнаруживаются ведь в том же Урбино-Ватиканском списке С, который ближе других списков греческого оригинала стоит к древнерусскому переводу, в текстологическом отношении, а также в некоторых других греческих рукописях.¹²¹

Что касается положения, выдвигавшегося японским оппонентом, то в той формулировке, в какой оно дано в его обзорной статье, оно не вызывает возражений и с нашей стороны. Безусловно, нет оснований утверждать, что все дополнения или отклонения от общепринятого греческого текста должно считать внесенными только по инициативе древнерусского переводчика. Как мы высказывались и раньше, в ряде конкретных случаев чтение, обнаруживаемое в переводе, может исходить из какого-либо «лучшего» чтения оригинала, принадлежавшего еще самому автору книги, а впоследствии по каким-то причинам утраченного или искаженного в позднейших греческих рукописях. В том, что дело иногда могло обстоять именно таким образом, убеждает нас привлечение новых данных, ставших доступными лишь после обнаружения известных рукописей Мертвого моря в пещерах Хирбет-Кумрана. Как известно, вновь найденные материалы открыли новую страницу в исследовании идеологии и культуры Палестины и иудейского народа в период около начала нашей эры. В частности, данные кумранских находок обязательно должны привлекаться к объяснению тех отклонений от оригинала в древнерусском переводе, которые находятся в рассказе Иосифа Флавия о ессеях. В связи с этой проблемой появилось уже немало специальных исследований.

Когда среди рукописей Мертвого моря был найден свиток «Войны сынов света против сынов тьмы», ученые обратили внимание на то, что в древнерусском переводе книги II «Истории Иудейской войны» (гл. VIII, ч. 6) по изданию В. М. Истрина, которое основывается на Волоколамском списке так называемой «отдельной» редакции этого текста, в соответствующем месте читается: «И воинский чинъ въдомо имъ есть от тѣх пи-

¹²⁰ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»..., стр. 108—112.

¹²¹ Там же, стр. 57, 63 и др.